

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 424–430

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 424–430

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

Научная статья
УДК 94(47:575)“1717”

Сомнения капитана Черкасского: планы и реальность хивинского похода 1717 года

И. В. Курукин

Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6

Курукин Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени, kurukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-5793>

Аннотация. В статье рассматриваются планы Петра I о подчинении Хивинского ханства, подготовке похода капитана Александра Черкасского в Хиву в 1717 г. Уточняются обстоятельства постигшей это масштабное предприятие неудачи. Используются новые документы из РГАДА и Архива внешней политики Российской империи МИД РФ.

Ключевые слова: Александр Черкасский, Пётр I, Хива, Ширгази-хан, Аму-Дарья

Для цитирования: Курукин И. В. Сомнения капитана Черкасского: Планы и реальность хивинского похода 1717 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 424–430. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Captain Cherkassky's doubts: Plans and reality of the Khiva campaign of 1717

I. V. Kurukin

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow GSP-3 125993, Russia

Igor V. Kurukin, kurukin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-5793>

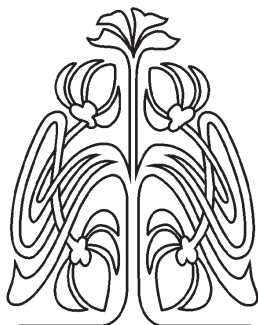
Abstract. The report is devoted to the plans of Peter I to subdue the Khanate of Khiva, the preparation of the campaign of Captain Alexander Cherkassky to Khiva in 1717, and the clarification of the circumstances of the failure that befell this large-scale enterprise. New documents from the RGADA and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Russian Foreign Ministry are used.

Keywords: Alexander Cherkassky, Peter I, Khiva, Shirgazi Khan, Amu-Darya

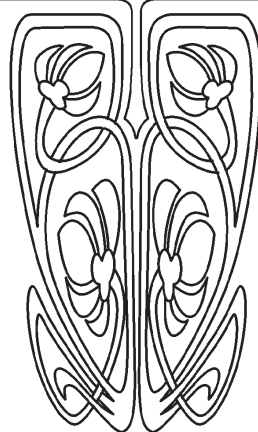
For citation: Kurukin I. V. Captain Cherkassky's doubts: Plans and reality of the Khiva campaign of 1717. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 424–430 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-424-430>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После победной Полтавской битвы и завоевания шведской Прибалтики Пётр I все чаще обращал свои взоры на Восток – на древние торговые пути Центральной Азии и далее в Индию, куда издавна стремились европейские мореплаватели. Долго искать предлог не

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пришлось – хивинские послы в 1700 и 1703 гг. просили о принятии их хана в подданство. Подобные просьбы на деле означали лишь расчет на покровительство и помощь в борьбе с натиском соседнего Бухарского ханства. Царь дал согласие¹, хотя ничего конкретного тогда предложить не мог. Но после побед в Северной войне Пётр уже смотрел на это предложение иначе.

В 1714 г. прибывший через Астрахань в Петербург туркмен Ходжа Нефес с полуострова Мангышлак рассказал, что в давние времена Амударья впадала в Каспийское море, пока хивинцы не перегородили реку плотиной. Если эту плотину разрушить, река вновь потечет по старому руслу. Ходжа Нефес, видимо, полагал, что могущество русского царя позволит вновь привести воду на засушливые земли туркменов. Но для Петра предложение повернуть течение великой среднеазиатской реки означало в первую очередь возможность установить коммуникацию с Индией, тем более что и на европейских картах XVI–XVII вв. Амударья изображалась впадавшей в Каспий. О том, что верховье Амударьи – река Пяндж – берет начало в горах Памира и добраться по ней до Индии невозможно, в Европе тогда не знали.

Решить поставленную задачу был призван князь Александр «Бекович» Черкасский – поступивший на русскую службу выходец из кабардинского княжеского рода Бекмурзиных. Свою карьеру юноша начал в качестве заложника-«аманата» в русской крепости Терки на Северном Кавказе, затем оказался в Москве, в 1697 г. был крещен, поступил солдатом в гвардейский Преображенский полк и в 1706–1709 гг. учился в Голландии². По возвращении в полк он дослужился до поручика; выбран же был Петром не только за происхождение, но и за инициативность: в 1714 г. он сам обратился к царю с просьбой основать крепость на Каспийском море, чтобы начать поиск «всяких руд» и привлечь на свою сторону «горские народы»³. Но отправиться ему пришлось не на западный, а на восточный берег Каспия – искать предполагаемое устье Амударьи. Одновременно другая экспедиция под руководством подполковника И. Бухгольца должна была двигаться из Сибири вверх по Иртышу, искать «калмыцкий город Еркеть» (древний Яркенд. – *И. К.*) и места, «в которых по Дарье реке тамошние жители золото промышляли»⁴.

Литература о походах Черкасского 1714–1717 гг. довольно обширна. Большинство работ (А. Шеманского⁵, Б. Иллерицкого⁶, Е. А. Княжецкой⁷, О. Ю. Омарова⁸, В. Б. Вилинбахова⁹, М. Аннанпесова¹⁰, Х. Г. Гуломова¹¹, У. Шарипова¹², Ф. А. Озовой¹³, Р. Ю. Почекаева¹⁴, А. А. Андреева¹⁵) основано на комплексе известных с XIX в. источников – служебная документация о подготовке и осуществлении военно-научных экспедиций князя была выявлена еще в 1839 г. и отправлена военным министром А. И. Чернышёвым оренбургскому военному губернатору гене-

рал-лейтенанту В. А. Перовскому для подготовки похода на Хиву¹⁶.

К сожалению, походная канцелярия Черкасского погибла при разгроме его отряда хивинцами в 1717 г.; сведения об этом последнем походе по большей части содержатся в деле, собранном в результате сенатского расследования и опроса многих уцелевших участников экспедиции. Кроме того, в делах Кабинета сохранилась переписка Черкасского с Петром; отрывочные сведения о судьбах его участников встречаются и в делах Коллегии иностранных дел, что позволяет дополнить информацию о неудачном походе в Азию.

Осенью 1714 г. Черкасский вышел в море во главе флотилии из двух шхун, 27 больших стругов, одной бусы, имея 1744 человека пехотинцев и казаков, 33 артиллеристов при 19 орудиях и 100 моряков. С ним плыли 14 астраханских дворян, четверо подьячих, переводчик и сам Ходжа Нефес. Потеряв в штормах несколько стругов, Черкасский вернулся в Астрахань, но в следующем апреле двинулся к заливу Тюб-Караган у восточного побережья Каспия. Здесь местные туркмены обещали показать прежнее русло Амударьи в нынешнем Балханском заливе Каспия. Посланный на разведку Ходжа Нефес со спутниками добрался до начала низменного дола и после трехдневного следования по нему вернулся обратно. Экспедиция проплыла на юг до Астрабадского залива, и участвовавшие в ней морские офицеры положили на карту часть восточного побережья Каспия.

Руководитель экспедиции 4 августа 1715 г. написал царю, что сам он «доехал до места званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних летах для некоторых причин она река запружена плотиною на урочище Каракачи, от Хивы в 4 днях езды; от той плотины принуждена течь она река в озеро, которое называется Аральское море»¹⁷. Так были получены сведения о древнем протоке Узбое. Только в конце XIX в. было установлено, что Узбой – русло не Амударьи, а другой реки, вытекавшей из Сарыкамышского озера. Это озеро питалось избыточными водами Амударьи и когда-то питало своими водами Узбой, пересохший три тысячи лет назад. Черкасский же был убежден, что обнаружил прежнее русло Амударьи, которое было искусственно перекрыто плотиной. Что это за плотина, сейчас сказать трудно. Возможно, это была преграда, отделявшая главное русло Амударьи от какого-либо из ее протоков¹⁸.

Не вполне понятно утверждение Е. А. Княжецкой, что А. Черкасский в октябре – ноябре 1715 г. лично ездил «к низовьям Аму-Дарьи»; после основания крепостей на восточном берегу моря князь возвращался тем же берегом в Астрахань, но в хивинских владениях не был. Не ясны и сведения «открывателя» плотины Ходжи Нефеса; в показании в казанской губернской канцелярии от 11 ноября 1717 г. он подтвердил существование плотины со слов «своей братьи трухменцов»;

указал, что от нее до Каспийского моря по руслу 12 дней пути, но однозначно утверждал, что «на той плотине не был, и сколь велика та плотина зделана, не знает», тогда как ходивший в 1715 г. вместе с ним на поиски прежнего русла Амударьи астраханец Николай Фёдоров в декабре того же 1717 г. доложил Сенату, что именно Ходжа Нефес «указал» ему ту самую плотину – «не доезжая до Дарьи реки версты за две, привел их на вал земляной» на сухом месте, который якобы нужен был, когда «Дарья река разлилась»¹⁹. Речь, видимо, шла о какой-то старой ирригационной системе, от которой, по словам Фёдорова, до русла Узбоя было «вёрст с дватцать».

Посланные князем лазутчики (астраханский житель Тебей Китаев, армянин Алексей Хомурадов, ногаец Тебер Байн) сообщали сведения о месторождениях золота в Бухаре в горах близ города Чарджоу и лазурита в Балхской провинции (Бадахшане)²⁰.

В феврале 1716 г. Черкасский лично доложил о результатах своих поисков Петру I. Царь пожаловал офицера чином капитана гвардии и вновь отправил его в путь. Указ от 14 февраля 1716 г. гласил:

«1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на тысячу.

2. Ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, тако ж и плотины; ежели возможно, оную воду паки обратить в старую ток, к тому ж прочие устья запереть в Аральское море и сколько к той работе людей потребно.

3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Амударье реке для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана Хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах.

5. Бude он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать сколько пристойно, но чтоб были на его плате, а буде станет говорить, что перво нечем держать, то на год и на своем жалованье оставить, а впредь чтоб он платил.

6. Ежели сим или иным образом склонится Хивинской хан, то просить его, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы было) водою по Сыр-Дарье реке вверх до Иркети городка для осмотра золота.

7. Также просить у него (хана. – *И. К.*) судов и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели

услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать.

8. Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, не мочно ль его хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же маниром, ибо и там тако ж ханы бедствуют от поданных.

9. Для всего сего надлежит дать регулярных 4000 человек, судов сколько потребно, грамоты к обоим ханам, также купчине к ханам же и к Моголу...»²¹

Указ ставил на редкость сложные задачи: основание городов-крепостей на будущей торговой магистрали, подготовку грандиозного строительства для поворота великой среднеазиатской реки в Каспийское море и прокладку водного пути в Индию. Царь как будто не сомневался, что хивинский и бухарский ханы охотно примут российское «подданство» и возьмут на содержание иноземную и иноверную российскую «гвардию». Пётр счел достаточным отправить в Хиву две тысячи яицких и гребенских казаков «под образом провожания каравана» посланника готовить плацдарм для броска в Индию.

В том же 1716 г. царь затребовал в московских приказах документацию о путешествии купца Семёна Маленького. В 1695 г. «купчина гостиной сотни Семён Мартинов сын Малинков» (Маленький) смог добраться до Индии – морским путем по Индийскому океану, для чего ему пришлось предарительно пересечь весь Иран. Маленький стал первым русским, который был принят при дворе Великого Могола – шаха Аурангзеба. Купчина распродал царские и собственные товары (красную кожу-юфть, «рыбью кость» – моржовые клыки, голландские и английские сукна) и, осмотрев Агру и Джаханабад, в январе 1701 г. отплыл из порта Сураат обратно в Персию, погрузив закупленные товары (краску «лавру», «сахару леденцу чистого», «инбирь в патоке» и пр.) на два корабля. Но здесь удача от него отвернулась – на обратном пути через Персидский залив его дважды «пограбили» пираты; убытки составили 18 519 рублей 15 алтын 5 денег. Купцу так и не удалось рассказать молодому царю Петру о богатствах Востока – в Шемахе, почти на пороге родины, Семён и его племянник Сергей Аникеев умерли. Пётр о них помнил – или кто-то об этом случае ему рассказал. Однако к тому времени документация о путешествии уже оказалась утраченной в очередном пожаре²².

По-видимому, грандиозный проект вызвал у Черкасского сомнения. В недатированном «всепокорнейшем предложении» (в кабинетском деле документ помещен перед автографом выше приведенного Указа от 14 февраля 1716 г., а помета на «предложении» гласит, что оно подано «от капитана Черкасского» после получения указа) он осмелился возразить: двигаться в Хиву лучше не по неизведанному сухому руслу, а по хорошо известной «большой хивинской дороге» от Яика.

Далее он резонно указал, что его неожиданное появление в хивинских пределах с войском будет воспринято подозрительно («зело тамошние народы страшны ваших людей») и предложил представить экспедицию как поход на каракалпаков, которые «и им и нам неприятели» – так хивинцы легче «обяжутся» подданством, а ему будет проще «высматривать мест» для намеченного строительства. Но и сам Черкасский считал поход не слишком трудным и намечал совершить бросок через пустыню за две с половиной или, максимум, за три недели²³. Царь разрешил идти по проверенному караванному пути (там и двинулся Черкасский весной 1717 г.), но остальные пункты инструкции оставил в силе.

О масштабе проекта говорят выделенные под него ресурсы. По подсчетам исследователей, в 1714–1716 гг. в распоряжение Черкасского были предоставлены три пехотных полка, «шквэдрон» драгун в составе 617 человек, около двух тысяч яицких и гребенских казаков, а еще толмачи, артиллеристы, астраханские дворяне и торговые люди и 232 «морских служителя». Им шло жалование, для них закупались и поставлялись провиант, амуниция, боеприпасы, лошади и верблюды, фураж, «питья», арбы и «подводы татарские», шанцевый инструмент, бочонки для воды, упряжь, оси и деготь для телег и многое др. Перевозки по морю обеспечивали 69 специально для этого построенных морских судов. По неполным данным (учтены не все платежи 1717 г.), расходы на три экспедиции составили 218 081 руб.²⁴

Разведчиком водного пути в Индию «под образом купчины» царь назначил лейтенанта флота Александра Кожина. Тому надлежало добыть сведения «о пряных зельях и о других товарах», а после аудиенции в столице Великих Моголов (в реальности которой царь был, очевидно, уверен) купить экзотические экземпляры местной фауны: «Господин Кожин, когда будешь в Остиндии у Магола, купи довольное число птиц больших всяких, а именно струсов (страусов. – *И. К.*), казеариусов (казуаров. – *И. К.*) и протчих, так же малых всяких родов, так же зверей всяких же родов, привези с собою бережно»²⁵.

В 1716 г. флотилия Черкасского вышла в море. Его экспедиция заложила крепости на восточном берегу Каспия: первую – на полуострове Мангышлак, вторую – в заливе, носящем сейчас его имя, главную – вблизи устья Узбоя на Красноводской косе. Оставив там значительные гарнизоны (полк в Тюб-Карагане и два полка на Красноводской косе) и провиант, князь отправил послов в Хиву и Бухару, а сам с частью войск вернулся в Астрахань и стал готовить завершающий поход.

Однако обстоятельства складывались неблагоприятно. Отправленный морем через Астрабад к бухарскому хану поручик Пётр Давыдов до цели не добрался. Сопровождавший его лейтенант Кожин отказался сходить на берег и увел судно обратно «к Красным водам», а позднее скрылся

от начальника экспедиции; он писал Петру I и генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что в Хиву идти нельзя, ибо хан и его люди «сведомы» о походе и считают его нападением; что время для выступления «упоздало» – наступают «жары необычайные, и кормов конских нет»; что гарнизоны крепостей страдают от недостатка пресной воды²⁶.

Добравшиеся после трудного перехода по зимней пустыне в Хиву астраханские жители Алексей Святой и Иван Воронин прислали тревожные известия: встретили их плохо, приближенные хана вымогали деньги и подарки; хан Ширгази взял подарки и грамоту Черкасского, но послов не принял. Святой и Воронин передавали, что хивинцы не верят в мирные намерения русских и считают, что царь желает захватить Хиву; калмыцкий хан Аюка, решивший в российское подданство, подозрительно часто пересылается с Хивой. Черкасский доложил о своих сомнениях в готовности хана помогать русским – ведь если ему удастся «разрыть» плотину и направить Амударью по сухому руслу, то хивинцы не смогут «пускать воду на пашню свое». В ответном письме Пётр допустил, что Ширгази «дружбы не примет» и от русской гвардии откажется, но оставил в силе предписание строить крепость на Амударье и разрушить запиравшую ее «ток» плотину²⁷. Как можно было выполнить сложнейшее задание в чужой стране без «дружбы» с ее государем, царь не объяснял, но предоставил Черкасскому свободу действий, поскольку «невозможно из такой дальности указу получать»²⁸.

После празднования Пасхи (21 апреля) в поход на Гурьев (ныне – г. Атырау в Казахстане) вышли яицкие и гребенские казаки; сам Черкасский с отрядом драгун и солдат двинулся из Астрахани морем²⁹. Всего же, по подсчетам исследователей, в экспедиции участвовали 3–3,5 тыс. человек³⁰, включая подьячих, «юртовских татар», купцов, астраханских дворян и «черкесов» – братьев князя с их слугами; огромный обоз (3 тыс. лошадей и 200 верблюдов, 500 телег и арб) вез не только запас провианта, но и шанцевый инструмент для работ – лопаты, кирки, топоры³¹. В Гурьеве отряды объединились, но задержались там больше месяца, готовясь к продолжению похода. Только 7 июня 1717 г. Черкасский повел экспедицию в степь.

Дальнейшая история похода, окончившегося катастрофой, известна со слов проводника-туркмена Ходжи Нефеса и вернувшихся из хивинского плена казаков. Десять дней войска добирались до реки Эмбы, где был сделан двухдневный привал. Через пять переходов от реки отряд поднялся на пустынное плато Устюрт у урочища Мансуалмас (Кос-Кудук) и семь недель шел на юг – 800 верст по древней караванной дороге через пески Сам, караван-сарай Белеули и известные проводникам стоянки с колодцами («Ялги», «Дурали», «Шемшидун»). Воды в них не хватало для многолюдного войска, и казакам

приходилось рыть новые десятками; от недостатка травы пало много лошадей; приходилось бросать заготовленный на полгода провиант и даже оставить у одного из колодцев тысячу безлошадных казаков. Отсюда князь отправил к хану своего посланца Михаила Керейтова с сотней казаков, но еще до того о движении отряда в Хиву принесли бежавшие от Черкасского проводники-калмыки. В урочище Карагумбет Черкасский и его спутники спустились с плато и встали на отдых у озера Кернай на западной окраине Хивинского оазиса³². Туда явились посланники хана с подарками, которым было сказано, что князь идет в Хиву «не войною, а послом от царского величества». Но прибывшие хивинцы едва ли в это поверили, ибо за несколько проведенных в лагере дней могли составить представление о численности и вооружении войска. После отдыха и прибытия отставших казаков (за ними отправилась «партия» с верблюдами) отряд снова двинулся в путь, маршрут которого современные исследователи не смогли установить – из-за сильно изменившейся за три сотни лет системы оросительных каналов невозможно идентифицировать упоминавшуюся в источниках топонимику XVIII в.³³ 15 августа Черкасский встал лагерем у «реки Карагачи». Через три дня туда подошло хивинское войско во главе с ханом.

Отряд успел насыпать земляной вал. Атаки хивинцев были отражены пушечным и ружейным огнем. Ширгази прислал гонца; тот заявил, что нападение произошло без ведома хана; если князь «пришел послом», то хивинцы воевать не будут. Однако посланного, в свою очередь, Черкасским татарина к хану не допустили, и потребовали, чтобы русский начальник лично явился с грамотами. Князь согласился – но только, если сам хан подойдет к позиции отряда. На том переговоры закончились, и перестрелка продолжалась еще два дня, после чего хивинцы отступили за версту от лагеря.

Вновь начались переговоры, и послы хана Ширгази опять заявили, что нападения происходили без разрешения их повелителя, а представители Черкасского заверяли, что пришли с миром, а «которые де военные люди небольшое число с ним посланы, и те для охранения за дальностью в пути от каракалпаков и от других народов». По показаниям Ходжи Нефеса, князь и астраханский дворянин, крещеный выходец из Ирана князь Михаил Заманов поднесли хану подарки – «сукна и соболей»; от себя Черкасский послал позолоченную карету с цугом темно-серых лошадей и верхового коня под расшитым золотом и серебром чепраком. Ширгази-хан и Черкасский обменялись клятвами на Коране. Затем русский отряд в окружении хивинских войск двинулся к столице ханства.

Князь шел вместе с ханом под охраной из 700 драгунов и казаков. По преданию, зафиксированному российскими военными в 1874 г.,³⁴ в местечке Порсу (в записи рассказов оставшихся

в живых участников похода встречаются также названия «Порсунгуль», «Порсунголь», «Порсунчуль» и «Порсунгур») произошел завершающий акт трагедии экспедиции. «За умалением провианта» и по просьбе хана Черкасский согласился разделить свой отряд. Согласно показанию Ходжи Нефеса отряд был разделен на две части по 600 человек и три части по 400 человек³⁵ (если доверять этим данным, получается, что при 1350-верстном переходе через пустыню в самое жаркое время Черкасский потерял около тысячи человек). Мы не знаем, какими соображениями руководствовался начальник экспедиции, принимая подобное решение. Можно предположить, что желание продемонстрировать миролюбие (чтобы успешно выполнить поставленную царем задачу) заставило его пренебречь мерами предосторожности.

Как только солдаты и казаки пошли за хивинцами на обещанные теми места квартирования, последовало внезапное нападение. Многих убили сразу, остальных связали, отняли оружие и амуницию. Ходжа Нефес, взятый в плен соплеменником, видел, как «вывели из палатки господина князя Черкасского и платье все с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею, и отсекали голову»³⁶ – ее Ширгази послал в дар бухарскому хану. В начале XIX в. придворный поэт и историк при дворе тогдашнего хивинского хана Эльтузара Шермухаммед Мунис в сочинении «Райский сад счастья» написал, что в пределы ханства пришли 30 тысяч русских «с намерением овладеть Хорезмом», а предводители хивинского войска для защиты своей страны «заключили с Даулат-Гиреем (прежнее имя князя Черкасского. – И. К.) перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней»³⁷.

Несколько десятков пленных были выведены на казнь перед ханским дворцом. Ахун, глава хивинского духовенства, отговорил хана от убийства русских, взятых не в бою, а путем обмана и клятвопреступления³⁸. Пленные были проданы на невольничьих рынках Хивы; одним удалось бежать, других выкупали из плена даже много лет спустя³⁹, третьи навсегда остались в рабстве на чужбине.

После получения известий о гибели отряда оставленные Черкасским на побережье гарнизоны были эвакуированы в Астрахань. Положение их было отчаянным: по поступавшим в Астрахань ведомостям к лету 1718 г. в Тюб-Карагане умерли 500 человек, а в «Красных водах» – 700⁴⁰.

Ширгази понимал, что вину за разгром отряда Черкасского надо каким-то образом загладить. В том же году он отправил в Астрахань купеческий караван, с которым отбыли ранее взятые под караул русские купцы и некоторые беглецы из плена; «по отпуску ханскому» беспрепятственно выехали братья князя Черкасского и бывшие в его отряде «юртовские татары».

В 1720 г. хан отправил к Петру посла Вейс-Магомета с подарками – лошадью и обезьяной – и

грамотой (она сохранилась и недавно была опубликована), в которой заверял «белого князя-падишаха» в дружбе и желании торговать и обвинял в случившемся самого Черкасского: тот «вторгся в наши владения», оскорбил хана словами, «которые не приличествуют дружественности», а его солдаты первыми напали на хивинцев; последние же, «увидев много унижений и жестокости, после того как в их рядах пролилась кровь, сражались двое суток, и наконец, окружив тот отряд, часть его уничтожили, а часть, захватив живьем, доставили к нам»⁴¹.

Прибывший в Петербург посол заявил, что у его повелителя находятся 2 тыс. русских пленных. Хан, вероятно, рассчитывал что-то выторговать за их жизни. Но вместо переговоров хивинцы в марте 1721 г. были отправлены в Петропавловскую крепость, где Вейс-Магомет через несколько дней умер; остальные члены его миссии были сосланы на каторгу в Рогервик. Одного из людей посла отпустили с грамотой канцлера Головкина о немедленном освобождении всех пленных. Она была не слишком любезной, и хан ответа не прислал⁴². Свидетелем ханского гнева оказался вышедший в январе 1722 г. «из полону» яицкий казак Василий Иванов. Будучи взят в плен при разгроме отряда Черкасского, он вместе со своим хозяином Ярметаталыком был во дворце и видел, как Ширгази «топтал обоим письмы ногами и отдал играть малым ребятам». Самому Иванову удалось бежать с калмыцкими купцами; на пути караван был разгромлен и «порублен» каракалпаками, но казак все-таки смог добраться до российской границы⁴³.

В 1720 г. усилиями морских офицеров была составлена первая достоверная карта Каспийского моря, включившая в себя все прежние съемки и представленная от имени царя Парижской Академии наук⁴⁴. Предполагаемого устья Амударьи на ней уже не было, тем более что и побывавший в этих же местах лейтенант флота В. А. Урусов его не обнаружил, после чего царь усомнился в достоверности карты Черкасского и она была надолго забыта⁴⁵. В итоге Пётр отказался от поворота Амударьи и от планов установления российского протектората над Центральной Азией. Их провал можно считать закономерным: в Петербурге плохо представляли себе и географию, и внутривосточное положение Хивинского и Бухарского ханств, и обычаи населявших их народов.

В последние годы царствования Пётр рассчитывал проложить путь в Индию через ослабевший Иран. Результатом Низового, или Персидского, похода Петра I и десантных операций армии и флота в 1722–1723 гг. стало присоединение к империи равнинного Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северных провинций Ирана – Гиляна, Мазандерана и Астрабада, что было закреплено в заключенном в 1723 г. в Петербурге договоре с иранским послом Измаил-беком. Там начался масштабный эксперимент по освоению заморских владений с их богатствами.

На восточный берег Каспийского моря российские моряки и солдаты вернулись только через полтора века. Однако тогда основным направлением наступления на Центральную Азию стали казахские степи.

Примечания

- 1 См.: *Ниязатов М.* Поиск консенсуса : Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. С. 35–36.
- 2 См.: *Андреев А. А.* Юность князя Александра Бековича Черкасского : Факты и мифы // Лавровский сборник : материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг. : этнология, история, археология, культурология / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 140–150.
- 3 Указ Сенату об отыскании устья реки Дарьи // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Первое собрание : в 45 т. СПб., 1831. Т. 5. № 2815. С. 108–110.
- 4 Указ подполковнику Бухгольцу о завладении городом Еркетом // ПСЗРИ. Т. 5. № 2811. С. 105–106.
- 5 См.: *Ш[еманский] А.* Двухсотлетие приступа к петровским военно-разведочным экспедициям в Среднюю Азию // Военно-исторический сборник. 1915. № 1–3.
- 6 См.: *Иллерицкий Б.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 40–51.
- 7 См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М. : Мысль, 1964. 119 с.
- 8 См.: *Омаров О. Ю.* Отважный исследователь Каспийского моря А. Бекович-Черкасский. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1965. 80 с.
- 9 См.: *Вилинбахов В. Б.* Александр Черкасский – сподвижник Петра I. Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 55 с.
- 10 См.: *Аннанпесов М.* Туркмены в экспедициях А. Бековича-Черкасского 1715–1717 гг. // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1979. № 5. С. 47–52.
- 11 См.: *Гуломов Х. Г.* Новый взгляд на экспедицию А. Бековича-Черкасского в Среднюю Азию // Общественные науки в Узбекистане. 2005. № 5/6. С. 70–76.
- 12 См.: *Шарипов У.* Российско-хивинские отношения при Петре Великом // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3 (30). С. 63–66.
- 13 См.: *Озова Ф. А.* Миссия князя Александра Черкасского (1697–1717) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 86–91.
- 14 См.: *Почекаев Р. Ю.* Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского в русско-хивинских отношениях XVIII–XIX вв. // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 132–146.
- 15 См.: *Андреев А. А.* Последний маршрут князя Александра Бековича Черкасского в 1717 г. : Попытка реконструкции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 90 : Петровское время в лицах – 2017 : материалы научной конференции / науч. ред. И. В. Саверкина. СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 20–27.
- 16 Указатель работ и документальных публикаций XIX в. о походах А. Черкасского См.: *Безгин И. Г.* Князя Бе-

- ковича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714–1717) : библиографическая монография. СПб. : Типо-литография Р. Голике, 1891. 230 с.
- ¹⁷ Цит. по : *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 20–21.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Дело 1714–1718 годов об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. С. 197–202. С. 344, 388.
- ²⁰ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 29–33.
- ²¹ Указ капитану гвардии князю Черкасскому об осмотре реки Амму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о приведении ханов хивинского и бухарского в подданство России // ПСЗРИ. Т. 5. № 2993. С. 197–198.
- ²² См.: *Байкова Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). М. : Наука, 1964. С. 74–75.
- ²³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. № 56. Л. 19–20 об.
- ²⁴ См.: Выписка, учиненная из столпов об отправлении на Каспийское море лейб-гвардии капитана господина князя Черкасского с начала его походу с 1714-го году мая по 10 число сего настоящего 1717-го году // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1. С. 407–494.
- ²⁵ Цит. по : *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 26, 109.
- ²⁶ См.: Материалы для истории русского флота : в 17 частях. Ч. 4. СПб., 1867. С. 278–279, 282–283.
- ²⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 29. Л. 57.
- ²⁸ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 36–38.
- ²⁹ См.: *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1717 г. отряда под начальством лейб-гвардии Преображенского полка капитана князя Александра Бековича Черкасского // Военный сборник. 1861. № 10. С. 325.
- ³⁰ См.: *Галкин-Враской М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб. : Исаков, 1868. С. 289–290.
- ³¹ См.: *Ш[е]манск[ий] А.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. 1915. № 3. С. 18–19.
- ³² См.: *Андреев А. А.* Указ. соч. С. 21–23.
- ³³ См.: Там же. С. 24.
- ³⁴ См.: Присоединение Туркмении к России : сборник архивных документов / под ред. А. Ильясова, Ашхабад : Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1960. С. 132–133.
- ³⁵ См.: Дело 1714–1718 годов... С. 340.
- ³⁶ Там же. С. 340–341, 349–350.
- ³⁷ Цит. по : Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1969. С. 460. Перевод на английский язык см.: *Firdawsal-Iqbal.* History of Khorasm by Shirmuhammad mirab Munis and Muhammad Riza mirab Agahi. Leiden : Brill, 1999. P. 57–58.
- ³⁸ См.: *Ш[е]манск[ий] А.* Указ. соч. // Военно-исторический сборник. 1915. № 2. С. 23–33.
- ³⁹ См.: *Безгин И. Г.* Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁰ См.: Дело 1714–1718 годов... С. 301–302.
- ⁴¹ Цит. по : *Козинцев М. А.* Грамота хивинского хана Шир-Гази царю Петру I // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 2. С. 20–21.
- ⁴² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 125 (Сношения России с Хивой). Оп. 125/1. 1724. № 1. Л. 1–25 ; 1730. № 1. Л. 1–4.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 77 (Сношения России с Персией). Оп. 77/1. 1722. № 3. Л. 2–3.
- ⁴⁴ См.: *Княжецкая Е. А.* Пётр I – организатор исследования Каспийского моря // Вопросы географии петровского времени / под ред. М. И. Белова. Л. : Гидрометеопиздат, 1975. С. 24–39.
- ⁴⁵ См.: *Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. С. 62–63, 86–87.

Поступила в редакцию 11.04.2021, после рецензирования 13.04.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 11.04.2021, revised 13.04.2021, accepted 30.06.2021